

Irina Fedorczuk

Поэтика банально-оригинальной повседневности

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 2, 403-405

2012

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

Поэтика банально-оригинальной повседневности

Ирина Манкевич, *Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации*,
Издательство Алетейя, Санкт-Петербург 2011, 712 с.

Монография Ирины Манкевич *Поэтика обыкновенного: опыт культурологической интерпретации* представляет собой первое в русской культурологии академическое исследование функционирования литературных и внелитературных текстов повседневности. Книга предназначена для специалистов-гуманитариев, интересующихся фундаментальными проблемами культурологии. Инструментом описания является категория текста, взятого за «единицу коммуникации». В настоящее время в научном плане наиболее проработанными являются так называемые «городские тексты», начали разрабатываться и «персональные» тексты русской культуры. Манкевич рассматривает костюмные и застольные тексты повседневной культуры в историко-хронологическом, историко-бытовом, социально-психологическом и широком культурологическом контексте. В качестве анализируемого материала автор книги привлекает тексты русской художественной литературы, эго-документы, историко-культурные материалы XVIII – начала XX столетия.

Умберто Эко принадлежит утверждение, что культура является по преимуществу коммуникацией. Именно с этих позиций в 1960-70-е годы был изучен ряд коммуникативных сфер: живопись, архитектура, фотография, кино, реклама. Таким образом, в круг научных интересов попали и «периферийные», на первый взгляд, сферы. Кризис этических ценностей привел к увеличению удельного веса частной жизни, частного, повседневного. Сегодня гуманитарная наука переживает глубокую внутреннюю трансформацию, которая проявляется в смене интеллектуальных ориентаций, исследовательских парадигм. Повседневность воспринимается как продукт длительного исторического развития человечества. Она не имеет четкой структуры и границ, не поддается точной классификации и большинство исследователей подразумевают под повседневностью собирательное понятие для проявления всех форм частной жизни. Повседневность, в этом случае, предстает как совокупность значений, связанная со сферой обыкновенного.

Выразителями новейших тенденций в изучении повседневности в начале XX века являлись представители школы «Анналов» – Марк Блок, Люсьен Февр, Эммануэль Ле Руа Ладюри, Фернан Бродель. Несмотря на то, что в последнее время повседневность стала предметом исследования целого ряда научных дисциплин, отношение к ней различно, причем колеблется от желания вернуть повседневному его цен-

ность, готовности признать за ним почти неисчерпаемый смысловой потенциал до сведения повседневности к тривиальности, примитивной утилитарности, серой вне-событийности, то есть, по сути, попытки отрицания значения этой сферы.

Филолог, культуролог и философ Георгий Кнабе отмечал, что повседневное как предмет должно выйти на первое место в процессе междисциплинарных исследований, поскольку оно может помочь создать реальное представление о жизни людей в прошедшие эпохи. Именно к числу таких исследований следует отнести книгу Манкевич. С точки зрения автора *Поэтики обыкновенного*, повседневное заслуженно требует самого пристального и серьезного внимания. Обыденная жизнь не воспринимается сегодня как особая автономная сфера. Между тем до сих пор ряд ученых пытаются дать определение понятия повседневности через противопоставление не-повседневности. Такой подход справедливо отвергается автором монографии. Представляется, что для Манкевич повседневность – часть жизни с ее малым и большим. Человек живет одновременно в нескольких культурных измерениях, и потому разные культурные срезы его жизни постоянно пересекаются и практически не делимы (с. 39). Особенно, если речь идет о Гении. Автора интересует, как вынашивались и рождались замыслы выдающихся творцов. В их личной и творческой жизни, их пристрастиях и вкусах для исследовательницы нет второстепенных и малозначительных фактов. Там, где есть дар и вдохновение, там остается и отпечаток личности художника. Повседневность видится исследовательнице многогранной и многоликой. Для Манкевич важна не только сама по себе повседневность, но и методология ее рассмотрения. Как только мы начинаем описывать повседневность, мы сразу втягиваемся в ее конструирование. Уже в самом понятии текст зафиксирована семантика собирания и упорядочивания неких единиц. Рецензируемая книга – результат скрупулезного, многолетнего труда ученого. При этом Манкевич сосредоточивает внимание на малоизученных, спорных, а часто и новых, еще не поднимавшихся в исследовательской литературе вопросах. Этим определяется и впечатление новизны, свежести аналитической мысли, которое производит монография.

Перед автором стояла крайне сложная задача репрезентации повседневного так, чтобы при всей фрагментарности примеров область обыкновенного сохранила свою значимость. Сама же тема оказалась настолько широкой даже в тех хронологических рамках, которые были определены, что, несмотря на обширность исследования (более 700 страниц), пришлось сконцентрировать внимание на трех аспектах: костюмных, застольных и ароматических коммуникациях.

Костюм теснее всего связан с ежечасной жизнью человека и сложной системой культурных знаков, складывающейся в повседневной жизни (в книге – это разделы *Костюм и любовь*, *Костюм как биографический текст*, *Костюмные ситуации*, *Костюм и смерть*). Культурологический подход основывается на исследовании костюма как целостного феномена культуры, в единстве его практических и символических функций. Эстетика костюма всегда была значима, поскольку как сам костюм, так и его отдельные части, представляют комплекс духовных и социально-правовых характеристик человека определенной эпохи, нации, страны. Бытие костюма в культуре многообразно: он является одновременно продуктом человеческой деятельности и средством ее осуществления. Для специалистов, сориентированных в сторону культурологического вектора, наиболее

интересен, по-видимому, будет в монографии обзор новейших работ, посвященных теме костюма, в том числе и «литературным одеждам».

В широком *культурологическом контексте* костюмный текст способен информировать читателя о внелитературных (ментальных, идеологических, биографических) и внутрилитературных (традиция, мода, полемика) факторах не только своего рождения, но и об идее произведения в целом. Костюмный текст запечатлевает как внешнюю форму выражения одежды, так и внутреннюю, образную. Для данных текстов, функционирующих в пространстве массовых коммуникаций, ключевое значение обретает статус костюмной моды в системе общественных отношений, модные объекты и стандарты костюмного поведения (с. 289).

Застольный текст включает в себя не только застольное пространство и время, но и язык кулинарной словесности, беседы, тосты, меню, кулинарные книги. Застолье – это диалог, игра, подражание и иллюзия. Автор книги воссоздает жанровую структуру застольных текстов, включающую в себя множество компонентов. Тема *Застолье в гуманитарных исследованиях* показалась мне заслуживающей особого внимания. Конечно, здесь нашлось место и Вильяму Похлебкину, и знаковой *Книге о вкусной и здоровой пище*, и легендарной *Русской кухне в изгнании*, но главное – научным конференциям, одна только тематика которых (*Еда и питье в литературе, Философские пиры Петербурга, Кулинарная книга русской литературы*) не могут оставить равнодушными.

Можно предположить, что наиболее сложной оказалась для исследовательницы тема ольфакторных коммуникаций, представленная не так подробно, как предыдущие (обзор гуманитарных исследований, поэтика костюма или застолья в пространстве повседневных и литературных коммуникаций, примеры из русской классической литературы). Из-за ограниченного объема издания лишь на двух примерах автор книги прослеживает, как восприятие запахов, складывающееся из взаимодействия врожденных и культурно приобретенных навыков, превращается в структурно-целостный акт. Рассматривая роль запахов в жизни и творчестве Александра Пушкина и Антона Чехова, Манкевич показывает, что наша расшифровка запахов регулируется культурными установками. Мир запахов представлен в монографии сферой, требующей от исследователей более глубокого осмысления. Интерес Манкевич к данной области обусловлен тем, что в изучении коммуникативных процессов этот «самый древний канал дистантной связи» был незаслуженно обойден вниманием ученых, рассматривавших проблемы межкультурной коммуникации. Собранные и исследованные Манкевич тексты являются уникальными, т. к. пока еще никто не брался за столь «неуловимую» тему.

Следует отметить высокое качество издания: книга опубликована в известном, авторитетном петербургском издательстве, снабжена прекрасными цветными иллюстрациями, вклеенными на отдельных листах, и черно-белыми на шмуц-титулах каждой из трех частей монографии (художник Иван Граве). Нет необходимости вспоминать об обширной библиографии (415 позиций), состоящей из работ ученых разных стран, в том числе, и польских исследователей.

Остается пожелать книге объективных критиков, серьезных, вдумчивых, благодарных читателей!

Irina Fedorczyk